держалась, на левой — оскольчатый перелом обеих костей голени, сотрясение мозга, потеря зрения, двадцать семь осколков из лица вынули. Собирали меня по кусочкам. Девять дней я лежал в реанимации, потом месяц оставался без сознания и еще пять месяцев провел в больнице весь в гипсе. Это была школа мужества. Я видел, как люди ломались, принимали наркотики, чтобы снять боль. А я не прикасался к ним, терпел.

— А жена, с которой вы развелись, была вашим идеалом?

— Почти. Марина была чудесная девочка, она училась на нашем факультете. Активистка была, настоящая комсомолка — по убеждению, замечательный художник. Так получилось, что мы с ней решили пожениться. Марина жила с родителями. Ее отец был военный летчик, прекрасный человек. А мать — балерина в Театре Станиславского. Теща не приняла меня с самого начала, подумала, что я женился на квартире. Но у нас была настоящая любовь. Все удивлялись. Она маленькая, некрасивая такая. А я влюбился в ее интеллект, в ее душу. Она и по сей день осталась таким же превосходным, интеллектуальным, богатейшим человеком: живописец, график, поэт, писатель, заслуженный художник России. Марина Зайцева работает художником в Цирке на Цветном бульваре, последние годы оформляет все елки в Олимпийской деревне. Но жизнь наша не состоялась. Теща постоянно вторгалась в наш мир и в сознание Марины. А та была очень послушной дочкой. Теща не пустила нас к себе домой. Правда, сняла маленькую комнатку в полуподвале коммунальной квартиры, где соседствовала уборщица нашего двора и кто-то еще. Тем не менее мы жили нормально, и Егорка родился там. Я там делал все: готовил, убирал, стирал — все, к чему мама меня приучила. Но все равно давление на мою жену продолжалось. Короче, когда однажды я пришел домой, мне сказали:

МАРК ШТЕЙНБОК

Зимний сад — место отдыха и творческого вдохновения

«Все. Ты свободен. Мы нашли другого мужа». И меня выгнали в никуда. Я оказался на улице, будучи уже всемирно известным художником...

Тогда я очень страдал, но потом понял, что никогда не поднялся бы, если бы не развод. Как только я остался один, у меня произошел мощный скачок. Но и самая большая потеря — я потерял Егора. Меня к нему не подпускали, не давали возможности с ним встречаться. Долго у него оставалась страшная обида на меня. Он думал, что я его бросил, и не мог мне этого простить. Тем более что потом пришел другой отец, который выгонял его на лестницу в мороз, ставил на горох — там было достаточно издевательств. Правда, они и второго мужа выгнали довольно быстро.

— Как долго вы с сыном не общались после развода?

— Долго, до 14 лет. И первая наша встреча была где-то в переулке. Я ему сказал тогда: «Егор, ты извини, но ситуация такая, что мне неловко тебя задерживать. Не дай Бог, мама узнает, и у тебя будут неприятности». А он ответил: «Когда двоим хорошо, то Бог прощает. Этого бояться не нужно». Он очень мудрый человек. И очень сложный. У Егора тоже тяжелая судьба. Ему пришлось пройти через много бед, окунуться на дно — для того лишь, чтобы состояться самому и не чувствовать себя только сыном талантливых родителей.

— Но со временем ваши отношения с семьей как-то нормализовались?

— Да, теперь все в прошлом. Мы остались с Маришкой в хороших отношениях, по-прежнему с ней дружны, я всегда бываю на ее праздниках, а она — на моих показах, на дни рождения ходим друг к другу... А Егор уже третий год работает генеральным директором моего Дома моды, считает, что, придя сюда, он принес жертву, посвятил свою жизнь мне. Двум талантливым людям вместе тяжело. Он — человек тонкий, ранимый.